

В. Е. Флёрова
Москва

Проблемы исследования ямных и курганных могильников хазарского времени на Нижнем Дону

В современной историографии археологического изучения Хазарского каганата наметился определенный кризис в вопросах изучения и интерпретации ямных и подкурганных захоронений конца VII — начала X веков. Среди погребальных памятников, делимых на ямные, предположительно «болгарские», и на курганы с квадратными ровиками и подбоями, предположительно «хазарские», существует ряд комплексов, которые затруднительно отнести к той или иной группе. Прежде всего это ямные захоронения в курганах. С чем связана особенность этих памятников? Возможно ли, хотя бы в перспективе, выявление локальных особенностей или они однородны? Что перед нами: вариант ямного грунтового или вариант подкурганного захоронения, равнозначный подбойному? Каково соотношение ямных захоронений в курганах с другими типами погребений внутри могильников и на общих территориях? Мы ограничимся рассмотрением только некоторых вопросов соотношения ямных и подкурганных захоронений Нижнего Дона и степной зоны бассейна Северского Донца и их отражения в историографии.

Численность исследованных и уже вошедших в той или иной степени в научный оборот подкурганных и грунтовых ямных погребений хазарского времени в доисских степях в последнее время стала не только сопоставимой, но и примерно одинаковой. Для характеристики обряда грунтовых могильников М. Л. Швецов (1983) в свое время отобрал 120 комплексов, имеющих полевую документацию. В основном это были погребения из Багаевского и Крымского могильников. За последующие двадцать лет число опубликованных комплексов этого района заметно не увеличилось. Зато на Северском Донце исследовано и постепенно вводятся в научный оборот несколько сотен вновь открытых грунтовых ямных погребений. Расширился и ареал ямных грунтовых могильников в восточном направлении. Открыты местонахождения Колпачки и Верхняя Бузиновка в излучине Дона, Оленьевский могильник на правобережье Волги, погребения на бэровских островах в низовьях Волги: Шатлы и Вакуровский 1 [Котеньков 2001]. На северо-востоке ареала, на Хопре, — погребение у станицы Тишанская. Южная граница ареала Доно-Донецкой группы грунтовых ямных захоронений практически не выходит за правобережье Дона. Западная группа погребений, в Днепро-Донецком междуречье, имеет свою специфику и связана с несколько иным кругом проблем (в частности с венгерской темой), на которых придется остановиться отдельно. Кубанские ямные могильники также необходимо рассматривать отдельно и в связи с общей ситуацией Азово-Каспийского междуморья. Крым,

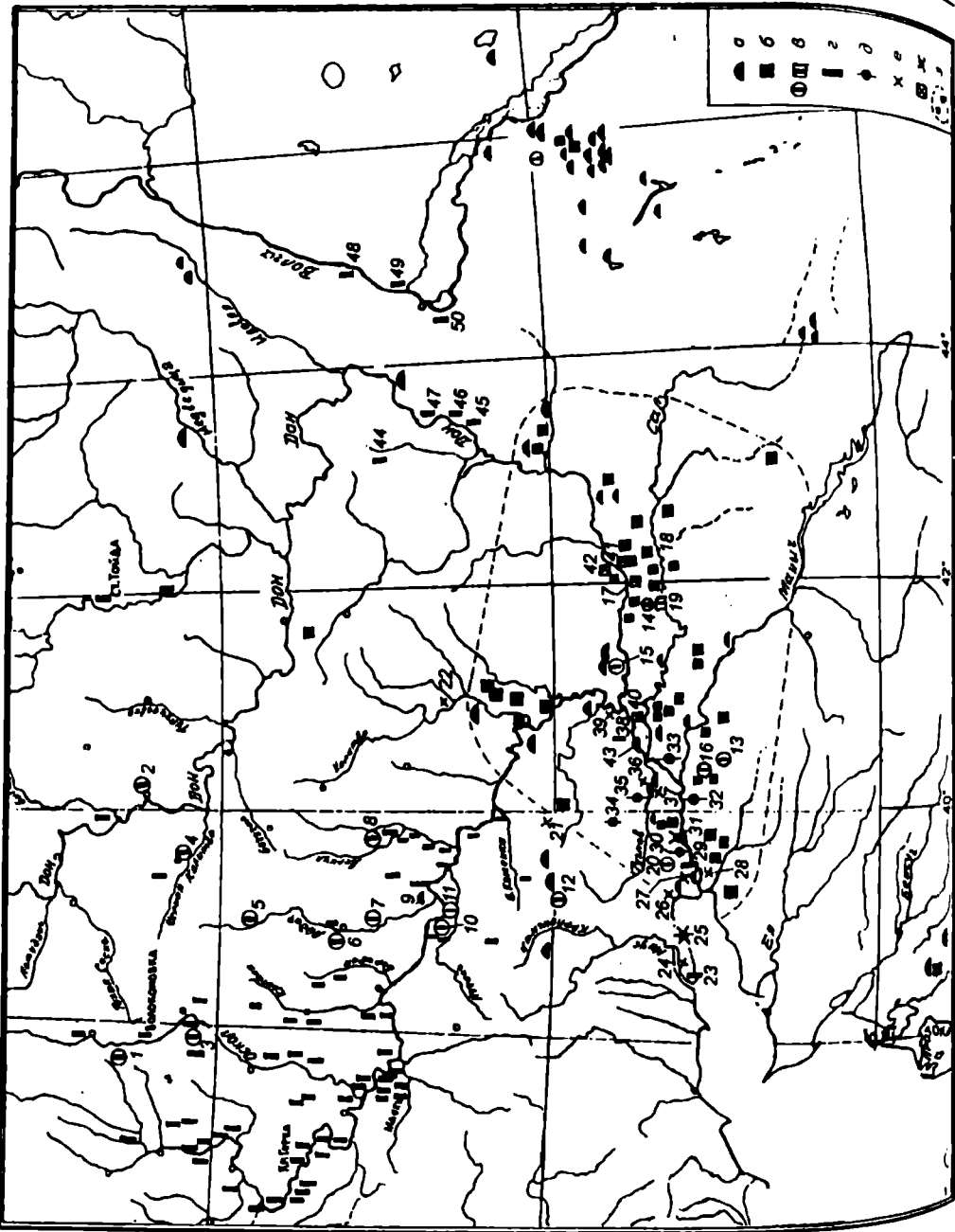

Рис. 1. Карта-схема погребений хазарского времени в бассейне Дона:
 1 — Столбище; 2 — Павловск; 3 — Борки; 4 — Ольховатка; 5 — Николаевка; 6 — Бутковка;
 7 — Безгиново; 8 — Бараниковка; 9 — Горшковка; 10 — Обозное; 11 — Родаково; 12 — Бобринское;
 13 — Оградный; 14 — Красноармейский; 15 — Кастырский; 16 — Крепинский; 17 — Романовский;
 18 — Саловский; 19 — Центральный; 20 — Левенцовский; 21 — Гуково; 22 — Шарпаевка

Среднее Поволжье и Подунавье — тоже особые районы распространения грунтовых ямных могильников «болгарского» типа. Во всех перечисленных регионах насчитывается более двух сотен раннесредневековых могильников, относимых к прабогарам. В некоторых исследовано до ста и более захоронений. Это огромный массив материала, не идущий ни в какое сравнение с численностью подкурганых захоронений хазарского времени, о которых в последние годы так много говорят и пишут.

Что касается курганов, то характерна цифра, приведенная А. А. Ивановым, отобравшим как базовый материал для своего исследования по курганам Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья 122 кургана [Иванов 2000, 4]. Г. Е. Афанасьев, ориентируясь на доступные архивные материалы, приводит несколько большее число: «около двух сотен подобных погребений» [Афанасьев 2001, 53], а в докладе Г. Е. Афанасьева и А. Г. Атавина на коллоквиуме «Хазары» [Афанасьев, Атавина 2002] прозвучала цифра более 300, включая погребения Краснодарского и Ставропольского края, а также астраханских степей. Но следует признать, что при отборе комплексов для работы число их сократится ввиду недоброкачества материала (разрушения, ограбления, отсутствие инвентаря и узко датированных предметов, «кенотафы»).

Подкурганые захоронения Доно-Донецкого междуречья заходят далеко на север, в лесостепную зону. Одно из наиболее ранних и по времени открытия, и по хронологии — Арцыбашево. Обряд точно не известен, могила имела форму «продолговатого четырехугольника», куда были положены покойник, конь и сопровождающие вещи [Монгайт 1951]. Самые северные комплексы, Столбище и погребение у г. Павловска (рис. 1, 1, 2), происходят из дореволюционных раскопок, и обряд этих погребений неизвестен. Для первого нельзя со всей уверенностью утверждать, что над погребением была курганная насыпь. Это известное богатое погребение, так называемый «Муравьевский клад», Г. Е. Афанасьев по обряду относит к ямным. Причем, по его определению, это самое раннее из известных ямных погребений лесостепной зоны [Афанасьев 1987а]. Позже были открыты ямные грунтовые погребения в Рябовке, датированные еще более ранним временем, не VIII, а VII в. [Обломский, Терпиловский 1993]. Погребение в Столбищах имеет восточную, а погребенные Рябовского могильника — северо-восточную ориентировку. Такие вектора характерны для захоронений второй половины VII — начала VIII вв. Три остальных погребения в лесостепи, Павловск и впускные захоронения Ольховатка и Борки (рис. 1, 3, 4), сопровождались салтовскими сосудами [Афанасьев 1987а, 94], т. е. относились уже ко второй половине VIII — началу X вв.

23 — Беглицкая коса; 24 — Миусский залив; 25 — Таганрог; 26 — Недвиговка; 27 — Дутино; 28 — Азов; 29 — Елизаветинский; 30 — Доломаиовский; 31 — Аксай; 32 — Алитуб; 33 — Багаевская; 34 — Соленая Балка; 35 — Новочеркасская ГРЭС; 36 — Заплавская; 37 — Кривинская; 38 — Крымское городище; 39 — Бронницкая переправа; 40 — Семикаракоры; 41 — Саркел; 42 — Правобережное Цимлянское городище; 43 — Матюхин Бутор; 44 — Верхняя Бузиновка; 45 — Доиская стоянка; 46 — Колпачное; 47 — Ильевка; 48 — Оленье; 49 — Волжский; 50 — Ельшанка;

а — подкурганые захоронения; б — курганы с квадратными ровиками; в — ямные погребения в курганах; г — грунтовые могильники (по: Красильников 1990; Культура... Каталог 2001; Михеев 1981; Плетнева 1981, дополнено автором); д — разрушенные захоронения; е — одиночные и малочисленные захоронения; ж — погребения на поселениях*; з — ареал курганов с квадратными ровиками

* Обозначения г — ж даны только для района Нижнего Дона.

Для курганных погребений VIII—IX вв. на этой территории достоверно известны пока только обряд ямных впускных захоронений.

Курганные захоронения, находящиеся в степной зоне вне ареала «квадратных ровиков» (рис. 1, 5—12). Одно из них, Бутковка, охарактеризовано как впускное погребение ямного типа в поле кургана [Красильников 1990, Михеев 1985, рис. 1, № 54]. Четырем другим ямным подкурганам дана суммарная характеристика: «Своеобразны захоронения праболгар в могилах с курганами (дана ссылка на комплексы Николаевка, Безгиново, Бараниковка, Родаково, Горшковка.— В.Ф.). Ямы глубокие, более 1,5 м, в них оставлены заплечики для плахи и сами плахи, а иногда вместо заплечика площадка шириной до 0,7 м, на которую положены сбрау и кости (голова, конечности) лошади (Горшковка). Весь керамический материал из них праболгарский. Такие погребения на среднем течении Северского Донца, как и в других местах, свидетельствуют о прямом воздействии на праболгар со стороны хазар, а возможно, и кочевников». Однако в этом вопросе немало спорных моментов, в первую очередь по проблеме этнохронологии [Красильников 1990, 33]. Не вызывает сомнения тот факт, что все приведенные вместе комплексы разнородны. Публикация погребения в Горшковке [Красильников 1978] показала, что это одно из самых северных подбойных захоронений с салтовским инвентарем. Севернее его находятся только курганы на Иловле: Барановка I и Петрунино IV — от хазарских и классических печенежских погребений комплекс в Горшковке отличают противоположно ориентированные остатки захоронения черепа и конечностей коня. Констатация глубоких ям с заплечиками, видимо, относится только к трем комплексам: Бараниковка, Николаевка и Родаково. При этом надо полагать, подразумевается, что погребения под курганами — основные. Безгиново же, как можно заключить из отчета А. А. Кротовой за 1975 г., — это, скорее всего, впускное захоронение или даже погребение на поселении. Яма не была прослежена, а насыпь содержала салтово-маяцкую керамику, поскольку курган находился на территории салтовского селища.

Из расположенных южнее комплексов опубликованы основное погребение I кургана 2 у хут. Обозное, датированное VIII в. (рис. 1, 10). По определению А. В. Комара, его конструкцию можно охарактеризовать как «полуподбой» [Комар, Пиоро 1999]. Это уже типичное захоронение раннехазарского времени с близким Муравьевскому кладу поясным набором. На «полуподбоях» я остановлюсь ниже.

Обряд погребения у г. Торез (Шахта 19) неизвестен. Но погребение не позднее, как в Горшковке, и по наличию амулетов и монете Константина V может датироваться не ранее середины VIII в. и не позднее первой половины IX в. Погребение в Бобриково (рис. 1, 12) также разрушено. Это было ямное погребение с юго-западной ориентацией, содержащее череп и конечности коня. По инвентарю датировано XI — первой половиной X в. [Комар, Пиоро 1999]. Комплекс Карпово-Крепинка являлся кенотафом или тризной; там же обнаружен лощеный горшок салтово-маяцкого типа в насыпи [Комар, Пиоро 1999]. В Астахове подбойное погребение, датированное монетой Константина IV (674—685), с юго-западной ориентацией сопровождалось скелетом коня [Швецов 1979, 126]. Богурьев представляет собой разрушенное погребение из карьера с салтовским сосудиком [Копылов, Кузнецов 1997, 32]. Погребение у хут. Вертячий (К-51) не опубликовано, обряд неизвестен. Вероятно, связано с болгарами, как считает Е. В. Круталос [Культура... Каталог, 2001]. В погребении обнаружено два салтовских сосуда. Таким образом, в пограничном с ареалом квадратных ровиков районе можно на-

звать только одно ямное основное подкурганное захоронение в Бобриково, датированное IX — первой половиной X вв. Впускных погребений здесь не отмечено.

В ареале «квадратных ровиков» ямы и ямы с заплечиками в самих «курганах с ровиками» хотя и встречаются спорадически, но заметно уступают подбоям. По данным А. А. Иванова, соотношение подбоев и ям — 74:13 (85 и 15 %). Также преобладают основные погребения. Насчитывается всего несколько (по А. А. Иванову — четыре) впускных, близких, почти синхронных основным погребений. Собственно, их можно охарактеризовать скорее как подзахоронения. Хотя известен ряд погребений, впущенных в курганы более раннего времени. Начнем с них.

Отрадный II, курган 5, погребение 3 (рис. 1, 13). Впускное погребение в кургане, скорее всего, эпохи бронзы. Овальная вытянутая яма. Западная ориентация. При погребенном обнаружен игольник. Керамики нет [Кузьмин 1990, рис. 1, 1].

Красноармейский. Два впускных погребения с баклажками [Ильюков 1982; Ильюков, Кляшторный 1993]. Длинные узкие ямы. Пища в головах и ногах. Такие погребения иногда трактуют как «венгерские», но нельзя исключить и не просле-

женные по каким-то причинам ниши-подбои. Ниши-подбои в коротких стенках могильной ямы известны еще в сарматских курганных захоронениях. Они продолжают существовать и в раннее-вредневековые: например во впускном погребении VI в. в Наташино [Баранов 1990а, рис. 38, 4]. В грунтовых ямных могильниках они часто фиксируются. М. Л. Швецов даже выделяет такие погребения в отдельный тип погребений Зливкинского могильника (тип 3). В нише размещалась напутственная пища: один-два горшка или кубышка. В погребении 39 Зливкинского могильника в нишу положили череп и конечности овцы-козы [Швецов 1991, 115]. Ниши-подбои есть на могильнике Жёлтое [Красильников 1991]. Еще более выразительны ниши-подбои четырех погребений Нетайловского могильника, хотя они достаточно специфичны, как и сам погребальный обряд этого могильника.

В двух нишах были уложены предметы конской сбрун, в одной — череп и кости ног коня вместе с удилами, стремянами и пряжками, в четвертой — целый остов «одетого» коня. В последнем случае ниша несколько напоминала камеру небольшой катакомбы. В. С. Аксенов находит аналогии нишам-подбоям с предметами конской упряжи или частями скелета коня среди погребений салтовского времени Южного Урала и Среднего Поволжья и связывает их с тюрко-угорским населением, которое для Нетайловки предположительно отождествляет с утригурами [Аксенов 1997].

При плохой сохранности верхних стенок ямы весьма сложно обнаружить ниши в головах, чаще в ногах, где клали кости животных и напутственную пищу. Следует обращать внимание на обстоятельства раскопок и состояние стратиграфии при публикации несоразмерно длинных ям с помещением инвентаря в ногах или высоко в изголовье. Одной из характерных черт похороненных по «зливкинскому» обряду является расположение сосудов вплотную к голове [Городцов 1905].

Кастырский VI могильник (Богоявленская), курган 2, погребение б (рис. 1, 15). Впускное. Совершено в прямоугольной яме с двойными заплечиками. Погребенный лежал на спине головой на запад на мощной подстилке из древесных углей. Инвентарь — керамика салтовского облика. Дата — VIII—IX вв. [Житников 1987].

В сообщении предыдущего года в АО-1984 речь, очевидно, идет о том же погребении, так как опять упомянут курган 2, одно из погребений которого, видимо, впускное, «совершено в узкой прямоугольной яме с заплечиками. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Среди многочисленных вещей, обна-

...

...

...

...

...

...

...

...

руженных в могиле, отмечен костяной футляр (так называемая «горловина бурдюка». — В.Ф.) с бусами, искусно украшенный стилизованным изображением «древа жизни» [Житников 1986, 97].

Крепинский I могильник, курган 18, погребение 15 (рис. 1, 16). Впускное погребение в южной поле кургана. Очертания ямы не прослежены. Мужчина положен вытянуто с ориентировкой на запад. В головах — кувшин и рифленый горшок, нож, кинжал (?), кости барана, втулка наконечника копья. Курган 21, погребение 3 — впускное разрушенное погребение ребенка, головой, видимо, на запад, над черепом — рифленый горшок. Яма не прослеживается [Завьялов, Захаренкова, Лагоцкий и др. 1973, 126—128].

Все перечисленные впускные погребения относятся по времени к позднему периоду существования подбойных погребений в «хазарских» курганах, что могло бы свидетельствовать, естественно, при сколько-нибудь представительной подборке датированных комплексов, о перемещении границ племенной территории. Основные ямные погребения в курганах «с ровиками», судя по публикациям, датируются более ранним временем.

Романовский I могильник, курган 1, погребение 1 (1979 г.) (рис. 1, 17). Курган с ровиком с перемычками по углам. Основное мужское погребение в яме с заплечиками, ориентировано на запад. Сопровождалось черепом и конечностями коня, а также богатым набором инвентаря, в том числе серебряным поясом и солидом Льва III Исавра (717—741 гг.) [Иванов, Копылов, Науменко 2000].

Саловский IV могильник, курган 2, погребения 1, 2 (рис. 1, 18). Курган с ровиком. Дата — первая половина VIII в. подкреплена находками солидов 695—698 и 698—705 гг. Погребения основные парные, в ямах с заплечиками, с нишами, в сопровождении коня, барана, угля. Погребение юноши совершено на животе [Парусимов 1996; 1998]. Погребения на животе — тема, пока слабо исследованная. Они встречаются спорадически, причем на очень широком пространстве.

Центральный IV могильник, курган 6 (рис. 1, 19). Курган с квадратным ровиком и перемычками по углам. Погребение в яме с заплечиками хазарского времени [Казакова, Копылов, Науменко 1976, 123].

Левенцовский VII (рис. 1, 20). Основное погребение в яме с заплечиками. На перекрытии — черепа и конечности двух овец и коровы, в могиле погребена женщина головой на запад. Инвентарь описан совокупно с двумя подбойными погребениями [Ильюков 1997, 27].

Обряд курганных основных и впускных захоронений в ямах отличается теми же чертами, которые свойственны обычным грунтовым захоронениям. Его можно сравнить, например, с обрядом могильника Крымский на Нижнем Дону или Желтое на среднем течении Северского Донца [Красильников 1991]. Погребениям свойственна западная ориентация, одинаковые варианты заплечиков вдоль длинных сторон и по периметру, перекрытия из дерева, ниши в коротких стенках ям.

Намного чаще, чем в грунтовых в курганных захоронениях, отмечаются случаи сопровождения умершего конем: положения на заплечики чучела лошади (череп и кости конечностей по пястный сустав), ориентированного в одну сторону с погребенным. Положение коня на северной стороне перекрытия позволяет, как я полагаю, рассматривать такой тип ямных погребений в качестве типологически близкого к подбойной конструкции.

Погребения на животе — редко встречающаяся черта обряда. Тем примечательнее, что погребения ничком известны как в подкурганных, так и в грунтовых

захоронениях. Помимо подкурганного погребения в Саловском IV могильнике, такое же погребение открыто в Прикубанье — Греки IV [Сорокина 1986]. Среди ямных погребений на Северском Донце известно погребение на животе в могильнике Дроновка III (п.11) и Серебрянское. В последнем два погребения взрослых совершены ничком, руки и ноги предположительно связаны, но в могилах помещен инвентарь, что исключает возможность рассматривать эти случаи как выходящие за рамки обычной обрядовой практики [Прынь 2000, 190, 191, там аналогии]. Предположение о насильственной смерти погребенных в столь нетрадиционной позе было высказано при открытии одного из первых погребений на животе в могильнике Кара-Оба, курган 10, впускное погребение 1 мужчины средних лет (датировано IV—VIII вв.). Еще одно такое погребение обнаружено в неглубокой могиле над ранними сарматскими захоронениями в кургане 6. Руки погребенного из кургана 10 были связаны в локтях, ноги ниже колен перекрещены и связаны около ступней. Такая поза и вызвала данное предположение. Но при этом тазовые кости и бедро левой ноги вместе с глиняным сосудиком находились в могильной засыпке, что явно свидетельствует о вскрытии погребения. Кроме того, погребения содержали инвентарь. Помимо сосуда в них были найдены наконечники железных стрел, железная поясная пряжка, дужки-накладки и прочее. Обнаруженные погребения, как отмечает И. В. Синецких, имеют многочисленные аналогии среди поздних сармато-аланских памятников Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Приднепровья [Синецких 1952]. О.М. Давудов в связи с погребениями ничком в могильниках северо-восточного Предкавказья албанского времени (Шаранзинский могильник, погребения 43, 49, 70), а также с аналогиями в материалах памятников рубежа нашей эры в Нижнедзулатском, Кобяковском, Кокельском и других могильниках высказал предположение, что на Северный и Северо-Восточный Кавказ обряд захоронения на животе попал благодаря скифо-сармато-аланским племенам, контактировавшим с сибирскими этническими группами. В Сибири этот обряд сохранился до христианизации.

По этнографическим наблюдениям (эвенки, якуты), его могли употреблять при похоронах самоубийц и тех, кто мог принести несчастье. Сообразно своим функциям предотвращения «зловредных» действий умершего обряд был редок [Давудов 1996, 87]. Такая трактовка сущности обряда представляется более продуктивной*.

А. А. Иванов, отмечая, что существуют определенные тенденции в географическом распределении элементов обряда подкурганых захоронений, констатирует: «Все известные на сегодняшний день ямы с заплечиками обнаружены на территории Нижнего Дона. Следует отметить, что ямы такого типа на Нижнем Дону часто встречаются в болгарских памятниках VIII—IX вв., например в Крымском могильнике [Савченко 1986, 73, 74], или среди отдельных впускных болгарских захоронений в курганах [Житников 1987, 138]; [Иванов 1999, 222].

Сочетание ямных грунтовых и подкурганых, как впускных, так и основных захоронений конца VII—IX вв., характерно и для Поволжья. Это известные подкурганые погребения в Калиновке и Верхнем Погромном I, Кривая Лука XXII, курган 4, погребение 4. Погребение в кургане 27 Царевского могильника, как считает Е. В. Круглов, — болгарское. Это захоронение сопровождалось характер-

* Предположение о сибирских истоках, на наш взгляд, не слишком обосновано, так как этнографические свидетельства сохранения обряда не могут быть связаны напрямую с местом его возникновения. Возможно, в древности обряд имел более широкое географическое распространение.

ным салтовским амулетом и серебряным зеркалом с изображением всадника [Культура... Каталог 2001].

Многочисленны ямные подкурганые погребения новинковского типа на Самарской Луке. Отдельные погребения есть в Саратовском Поволжье. В Кайбельском могильнике ряд захоронений впущен в древние курганы [Афанасьев 1987а, 194, 195].

Грунтовых могильников в низовьях Волги мало, но в последнее время их стали обнаруживать (рис. 1, 44—50). На Левобережье Дона, в его излуцине, известны комплексы Ильевка (Волгоград), Донская стоянка, Колпачки (Пятиморск). Погребение «Колпачки» совершено на острове, в слое песка. Вытянуто, ориентировка западная, у головы — два лепных сосуда, кость животного. На Правобережье Волги открыты комплекс Ельшанка, могильник Олень. На Левобережье Волги известен Волжский [Культура... Каталог 2001]. Могильник Олень расположен на высоком коренном берегу, здесь вскрыты три погребения, ориентированные на запад-северо-запад. Находки: железные ножи, лепные горшки, лощеная кружка, кувшин, кости барана [Круглов 1990. 57—59].

На Нижней Волге, помимо плохо документированных погребений на бэровских буграх, исследованных Л. Н. Гумилевым, открыт ряд комплексов с достаточно выразительным инвентарем. Например, Лбище. Женщина уложена в яме. Ориентация западная. За головой в стенке ниша с инвентарем: «рифленый» горшок, красноглиняный кувшин, фляга, серьги хазарского времени [Котеньков, Васильев 1994].

Одиночные и малочисленные погребения на естественных возвышенности различного происхождения могут рассматриваться как вариант впускных захоронений. Таковы погребения на бэровских буграх: Бараний, Вакуровский I (Красный Яр), Казенный, Корень, Лбище, Степана Разина, Тутинский, Шатлы [Гумилев 1966; Котеньков, Васильев 1994; Котеньков 2001]. В дюнах к таковым можно отнести два кушнаренковско-караякуповских погребения в дюне у разъезда Немчанка в Самарской области [Иванов 1999, 94] и некоторые ямные погребения и могильники на Нижней Волге, в частности дюнное ямное погребение X в. у с. Лапас [Филипченко 1952]. На Нижнем Дону в песчаных дюнах обнаружено салтовское погребение Дутино X (раскопки В. Чалого 1984 г.). Напомню, что в дюнном массиве был обнаружен и комплекс Малая Перещепина. Келегейская находка также извлечена из песчаного грунта задернованной луговины. Собственно, любое погребение, обнаруженное в песчаном массиве, расположенном в зоне образования дюн, может претендовать на то, что оно некогда было впущено в песчаный холм, со временем переместившийся или исчезнувший. Дюны, обычно достигающие в высоту 10—30 м, могут перемещаться со скоростью до 10 м в год. Их частый выбор для погребений VII—IX вв. может быть вызван не только легкостью сооружения впускной могилы в песчаном грунте. Это предпочтение наводит на размышления о первоначальном месте обитания племен, оставивших погребения «зливкинского» типа в бассейне Дона и Северского Донца, по тем географическим зонам, где были распространены дюны: кроме Волги и Днепра, это побережья Каспийского и Аральского морей, озеро Балхаш.

Есть и курганы, расположенные на дюнных возвышенностях: в Безгиново на невысокой (1—1,5 м) дюне 100×40 м возвышался курган диаметром 40 и высотой около 2 м, в который было впущено ямное (?) захоронение коня хазарского времени. Это захоронение в совокупности с расположенным рядом с курганом на

поселении безынвентарным труположением головой на запад, видимо, вошли как ямное и ямное курганное салтовского времени в сводные работы К. И. Крайникова (1990) и В. К. Михеева (1985). Как погребение человека, так и конское захоронение вряд ли можно квалифицировать как связанные с курганной насыпью. Оба объекта входят в зону культурного слоя поселения салтово-маяцкой культуры и могут быть причислены к погребениям на поселениях, составляющих одну из характерных черт этой культуры.

Нельзя исключить, что 1—3 погребения, совершенные на высоком речном берегу, например могильник у села Оленье, также могут быть оставлены населением, в какой-то мере сохранявшим эталон впускных курганных захоронений. Необходимо выделить и могильники на островах: Матюхин Бугор, Колпачки [Конкин 1971; Смоляк 1997] (рис. 1, 43, 46).

Стационарные могильники также часто устраивались на холмах. В этом отношении характерна дискуссия относительно северокавказского могильника Чегемский курган-кладбище: хотя 135 погребений действительно впущены в курган эпохи бронзы, идут споры, был ли в сарматскую эпоху курган осмыслен как естественная возвышенность или, наоборот, другие возвышенности использовали под кладбища, принимая их за курганы [Виноградов, Березин 1985, 53—55]. Надо полагать, что приоритеты выбора места захоронения лишь отчасти могут быть определены посредством археологических реалий. Наше восприятие «впускных» и «грунтовых» захоронений не всегда соответствует восприятию древнего человека.

Наконец, существует целый ряд объектов, вошедших в литературу как грунтовые или как курганные погребения, но на самом деле не имеющих достоверной документации о наличии или отсутствии насыпей. Прежде всего — это одиночные погребения: Гуково, Алитуб, Бронницкая Переправа (рис. 1, 21, 32, 39). Например, ямная со ступенькой могила, исследованная у хут. Алитуб, обнаружена в срезе уничтожившей южную стенку могилы силосной ямы на глубине 2,3 м от современной поверхности. Яма полностью выбрана не была, а доследовавшие погребение археологи сделали подбой над скелетом. Следов кургана над погребением не было обнаружено, возможно, их не заметили, как написано в отчете А. Горбенко и Т. Прохоровой (1972, АКМ). Есть и целые могильники — Багаевский, Заплавка, Доломановский, Матюхин Бугор, Соленая Балка, — относительно грунтового или курганного характера которых существуют или откровенные разногласия, или некоторые сомнения [Ильюков 2000]. Основная часть исследованных в низовьях Дона отдельных погребений и могильников — это доследованные археологами разрушавшиеся при хозяйственных работах комплексы.

Ареалы ямных грунтовых и подкурганных захоронений «культуры квадратных ровиков» только незначительно перекрывают друг друга. Если исключить из обычного перечня нижнедонских могильников городские кладбища Саркела, а также погребения на Семикаракорском и Правобережном городищах, являющиеся не могильниками, а погребениями на поселениях, то единственным грунтовым могильником на этой территории оказывается Крымский (рис. 1, 38). Багаевский «могильник» (рис. 1, 33) представляет собой 11 разрушенных и мало информативных в обрядовом и хронологическом отношении комплексов, расположенных, кроме того, на территории курганного поля [Братченко, Швецов 1984, рис. 1]. Остальные комплексы — это, как уже говорилось, одиночные и/или разрушенные погребения, для большей части из которых нет данных о наличии или отсутствии курганной насыпи, а также погребения на поселениях. В основной своей

массе две обрядовые группы памятников, курганы с квадратными ровиками и ямные грунтовые могильники, не синхронны, как может показаться при обзоре различий их общей топографии. По заключению А. В. Комара, до IX в. в степях среднего течения Северского Донца болгары не жили. Ему неизвестны находки на поселениях этого региона, безусловно относящиеся к VIII в. В середине VIII в. этот район входил уже в зону кочевания нижнедонско-приазовских хазар. Самое раннее, предположительно болгарское, погребение здесь — это Дроновка III, погребение 9, которое можно датировать концом VIII в. [Комар, Пиоро 1999].

В этом отношении можно отметить и то, что безусловно хазарское, как считает Комар, погребение в Шиловском кургане 1 датируется раньше, чем основная масса новинковских (болгарских) погребений. Работы А.А. Иванова и А.В. Комара привели к одному и тому же выводу: хазары на Северском Донце, в лесостепной (Столбище, Нетайловка) и степной (Красная Горка, Маяки) зоне, на Нижнем Дону и на Средней Волге появляются раньше, чем там фиксируются памятники, соотносимые с болгарскими (Дроновские, Крымский могильники, Новинковские курганы).

Из этого может быть два вывода. 1. Первоначальное место расселения болгарских племен не охватывало бассейн Дона, Северского Донца и Волги. Только во второй половине VIII в. какая-то их часть продвинулась сама или была переселена хазарами в волго-донские степи с каких-то других территорий. 2. Мы не умеем отличить по археологическим признакам хазарские и болгарские памятники. Возможно, эти племена, как родственные, действительно трудно различимы. Они могли с самого начала иметь довольно близкий набор ритуальных предписаний по захоронению умерших. Различия в погребальной практике могли быть обусловлены гораздо менее ощутимыми для историка различиями, чем вхождение в тот или иной племенной союз. Примерно такая же картина наблюдается в сарматских могильниках.

Во втором случае мы, скорее всего, имеем дело с эволюцией обряда от подкурганых захоронений к грунтовым могильникам, который постепенно охватывает степной коридор во второй половине VIII в. и заканчивается к середине IX в., если не раньше. Для вопроса об эволюции обряда важен материал курганых захоронений VII в. Близкий, хотя и отличающийся ориентацией и более частым помещением целого остова коня, а не черепа и конечностей, обряд подкурганых ямных захоронений известен среди так называемых погребений «сивашевского типа»: Сивашевка (узкая овальная яма с заплечиками и захоронением коня на деревянном перекрытии, северо-восточная ориентировка), Черноморское (конь на перекрытии на заплечиках), Сивашское (узкая яма с заплечиками, конь на перекрытии), Айвазовское, Ковалевка, Дымовка, Аккермань, Большой Токмак. Христофоровка, курган 7, погребение 7, Христофоровка, курган 7, погребение 12, Новая Одесса, курган 7, погребение 4 [Орлов, Смиленко 1986].

Можно было бы предположить, что именно эти погребения, связанные с кочевым населением старой территории Болгарии в Приднепровье [Львова 2001], послужили исходным материалом для ямных подкурганых захоронений бассейна Дона в VIII — первой половине X в. Примерно такую схему предлагают некоторые авторы [Матвеева 1997]. Тогда ямные могильники типа Рябовки (датированы авторами раскопок второй половиной VII в., по Комару — около 680 г.) могли быть исходным пунктом для развития обширных грунтовых могильников на Северском Донце. Но в этом случае трудно объяснить внезапное появление большого массива грунтовых могильников на Донце в конце VIII века. Не ясно, почему

курганные ямные (болгарские) погребения оказываются смешанными с хазарскими погребениями, имеющими подбой и квадратные ровики. К. И. Красильников связывает появление подкурганных подбойных захоронений на территории болгарского варианта салтово-маяцкой культуры с хазарским, а затем печенежским влиянием на болгар IX в. [Красильников, 1990; 1991]. А. А. Иванов вкратце описывает ямных погребений в ареал подбойных объясняет сложным этническим составом населения. Он довольно уверенно относит нижнедонские грунтовые могильники с ямными захоронениями к оставшимся под хазарским владычеством болгарам. В отношении ямных подкурганных его позиция менее определена, но все же впускные захоронения он связывает с болгарскими (Кривая Лука XXII, курган 4, погребение 4; Кастырский VI, курган 2, погребение 6) [Иванов 2001]. А. В. Комар распространение курганов на территории ямных могильников бассейна Северского Донца объясняет экспансией хазар, а ямные типы могил на «хазарской» территории — эволюцией все того же хазарского обряда.

Несколько подробнее остановлюсь на последней, «филохазарской» концепции развития обряда. Е. В. Крутлов и А. В. Комар считают основную массу погребений «сивашевского типа» синхронными Перещепине (напомню, что ими постулируется хазарская принадлежность этого комплекса) и принадлежащими хазарам. Таким образом, снимается различие яма — подбой уже на самом раннем этапе развития хазарской культуры. А. В. Комар предлагает следующую схему эволюции: подбой — полуподбой — яма со ступенькой — простая яма. Таким образом, ямные подкурганные погребения оказываются не только исходным, но и завершающим звеном в цепи трансформации хазарского обряда. Она шла от подбойных погребений в курганах с квадратными ровиками в сторону ямных грунтовых захоронений. Эволюция началась во второй половине VIII в. с постепенного отмирания обычая сооружать квадратный ровик. Затем подбой превращается в «полуподбой» типа ямы со ступенькой для погребения коня или его шкуры, а затем следуют ямные подкурганные и простые ямные захоронения. Этнос погребенных во всех случаях неизменен. Это хазары, которых только и знает русская летопись в лесостепи бассейна Дона [Комар, Пиоро 1999].

В качестве примера «полуподбойного» приводится основное погребение кургана 13 могильника Барановка I на р. Иловле, являющейся северо-восточной периферией ареала «хазарских» курганов. Следует учитывать, что «полуподбойность» данного погребения может быть связана с вторичным проникновением, во время которого скелет был полностью разрушен; в это же время, видимо, срезали свод подбоя, создав новую форму погребального сооружения [Крутлов 1992, 178, рис. 4, 2]. Два других «хазарских» погребения на Иловле, одно из них в том же могильнике, оказавшиеся не разрушенными, совершены в обычных подбоях. Нет уверенности, что и другие, менее тщательно раскопанные и опубликованные «полуподбой» не получились тем же путем, что и основное погребение кургана 13 могильника Барановка I. Следует обратить внимание на реконструкцию подбойного погребения из фактического «полуподбоя» Веселовского кургана [Мошкова, Максименко 1974, табл. XXVIII].

Как отмечают А. В. Комар и В. И. Пиоро, антропологические данные имеются только для одного погребенного в «полуподбойном» погребении (тот же курган 13 могильника Барановка I на р. Иловле). Череп европеоидный, брахикранный, с признаками искусственной деформации (определение М. И. Балабановой). Этот череп, по их мнению, может свидетельствовать о хазарской принадлежности по-

гребенного, так как схожий тип имеется в Верхнечирюртовском могильнике (ссылка на: [Кондукторова 1967, 119—122]). Череп погребенного из кургана 27 того же могильника «имел выраженные признаки сильной монголоидности» [Там же, 181]. Поскольку оба погребения — подбойные, то данные наблюдения имеют значение для выявления антропологических особенностей населения, оставившего группу памятников в курганах с подбойными погребениями и квадратными ровиками (хотя ровик в Барановке — круглый), но это наблюдение не пополняет фонд аргументов для гипотезы о постепенной эволюции погребальных конструкций от подбойных к ямным.

Критерием фазы эволюции подкурганых погребений в грунтовые могильники может служить отсутствие регулярной планировки могильника. И. А. Баранов [1990 б] отмечает существование в обрядовой практике кочевников Крыма промежуточного этапа между впускными погребениями кочевых тюрок в курганах крымской степи и грунтовыми могильниками собственно салтовского времени, т. е. второй половины VIII—X вв. К нему относятся грунтовые могилы Тау-Кипчака, которые разбросаны на расстоянии 30—50 м одна от другой без какой-либо системы. Отсутствие сплошного некрополя, возможно, как считает И. А. Баранов, свидетельствует о ранней стадии оседлости населения. Но в волго-донских степях пока такие могильники не раскопаны. Для погребений «зливкинского» типа этой стадии могла бы соответствовать одна из трех выделенная Г. Е. Афанасьевым [1987 б] типологическая группа погребений, не образующих могильников. Другие две группы — образующие стационарные могильники и ямные могилы, входящие в катакомбные могильники или могильники с трупосожжениями. Но для Нижнего Дона отмечается сопровождение подобных погребений не только лепными, но и гончарными горшками развитых салтовских типов, соответствующих погребениям с поясной гарнитурой IX в. Вероятно, более верен путь сопоставления наличия или отсутствия стационарных могильников с расположением летников и зимников [Тортика 1997]. В связи с этим может быть интересен факт, что вектор преобладающих отклонений от западной ориентации погребенных в Крымском могильнике (устье Северского Донца) — летний: запад-северо-запад [Савченко 1986, 75]. Для среднего течения Северского Донца, напротив, отмечается преобладание зимнего вектора отклонений: юго-запад [Красильников 1990, 29].

Можно спорить о деталях трансформации обряда подкурганых основных захоронений в грунтовые, но в целом здесь и различие обрядов, и общая схема эволюции с переходом к грунтовым могильникам в процессе оседания не вызывают особых возражений. Проследить же взаимосвязь и хронологическое соотношение ямных грунтовых захоронений и ямных захоронений, впущенных в курганные насыпи, гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Вопрос влияния социальной стратификации на обряд праболгарских погребений не раз вставал в литературе. В частности, в связи с раскопками знаменитого Зливкинского могильника к нему обращался М. Л. Швецов, давший краткий обзор [Швецов 1991]. О «сословной» бедности носителей ямных погребений первым заговорил В. А. Городцов, сравнивший материал раскопанного им могильника «Зливки» с Верхне-Салтовскими катакомбными захоронениями. Салтовский могильник, по его предположению, мог принадлежать городскому сословию, а Зливкинский — небогатым поселянам [Городцов 1905]. Эту мысль в какой-то мере поддержал Ю. В. Готье [1927, 70, 71], отметив бедность Зливкинского могильника относительно Верхне-Салтовского.

Вполне естественно предположение, что болгарские погребения должны быть более бедные, чем принадлежащие хазарам. Это следует и из сообщений письменных источников о бедности народа «в-н-н-д-р» и о том, что те болгары, которые не ушли на Дунай, попали под хазарское иго. Таким образом, бедность погребений становится для археологов таким же индикатором болгарского этноса, как богатство — хазарского. Особенно выразительными считаются монетные находки. Можно, кстати, привести несколько примеров, когда монеты находили в обычных по набору инвентаря комплексах или даже бедных. Но бедность болгар и богатство хазар стали своего рода легендой археологии, кочующей из тезисов в тезисы и ни разу не обоснованной на добротной подборке материалов [Иванов 2001; Копылов, Смоляк 1988; Семенов 1988].

Видимо, богатый инвентарь захоронений Красной Горки и Нетайловки явился для А. В. Комара одним из импульсов для отнесения ямных погребений этих могильников к хазарам [Комар, комментарии к статье А. К. Тахтая, 1999]. Впрочем, в той же работе он предполагает, что, помимо простейших причин, то есть констатированной письменными источниками бедностью черных болгар или венендеров, скудность инвентаря болгарских погребений может быть вызвана особенностями ритуала.

Следствием социального неравенства покоренного населения, по предположению А. А. Иванова, стало оседание на землю болгарских племен. Этот процесс нашел свое отражение в возникновении крупного грунтового могильника у хут. Крымский. Соотношение открытых поселений и могильников салтово-маяцкой культуры — большой вопрос нашего источниковедения. Исходя из здравого смысла, каждому поселению должен соответствовать могильник. В реальности же мы имеем совершенно неадекватную картину: множество поселений, не имеющих могильников. Так, К. И. Красильников [1991, 62] приводит цифру для бассейна среднего течения Северского Донца: 460 поселений и 40 (! — В. Ф.) могильников. В результате мы не в состоянии выяснить сегодня, насколько связаны процессы возникновения поселений и ямных могильников в донских степях. Этот вопрос актуален не только для открытых поселений, но и для некоторых городищ. Так, не найден могильник, относящийся к Правобережной крепости. Не исключено, что ее жители, обитавшие в юртообразных постройках, продолжали хоронить умерших под курганами.

Процесс выделения военных дружин Н. Я. Мерперт связывал с процессом оседания болгар на землю и сближением их с аланами по уровню социально-экономического развития. К VIII—IX вв. «у тех и у других происходит выделение военных дружин. Они уже резко отличны от всеобщего ополчения членов рода: они обособлены от остальных общинников, как особая привилегированная социальная группа. Намечается дифференциация и внутри самой дружины ... Погребения дружинников, выделяясь своим богатством из числа погребений прочих членов общины, заметно уступают погребениям вождей» [Мерперт 1957, 37]. Подонье этот процесс был прерван появлением печенегов. Возрастание социального неравенства отмечает на своем материале и К. И. Красильников (1990).

Интересен выдвинутый А. А. Ивановым (2001) тезис о возрождении на определенном этапе у подвластных хазарам болгар всаднических традиций. Оно выразилось в появлении в ряде ямных могильников оружия и конских захоронений. В Крыму это явление в виду Крымский и Багаевский могильники. Оба могильника разновременины, и обряд захоронения коней в них различен. Если и происходит возрождение

дение всаднических традиций, то время и причины этого социального процесса предстоит еще выявить. По крайней мере, возрождение это не приурочено к Нижнедонскому региону. Параллельно оно происходило и на западе степи, и на кромке степи и лесостепи. Начало его уходит в VII в. — это и известная «Сивашевская» группа курганов Северного Приазовья [Орлов, Смиленко 1986], и грунтовые могилы в Рябовке, где в погребении 2 над останками двух людей обнаружены хаотично лежащие кости лошади, а в погребении 3 выше и сбоку от могильной ямы — скелет коня, ориентированный в ту же сторону, что и погребенный [Обломский, Терпиловский 1993].

Конские захоронения в ямных могильниках Нижнего Дона М. Л. Швецов делит на два типа. 1. Помещение конской шкуры в могилу. 2. Отдельное захоронение взнузданного и оседланного коня [Швецов 1983]. К проблеме захоронения коней в могильниках салтово-маяцкой культуры недавно обратился В. С. Аксенов (1997, 1998, 2000). Им проанализированы материалы катакомбных и ямных могильников, в том числе Нетайловки и Красной Горки. Конские захоронения салтовской культуры В. С. Аксенов делит на три группы. 1. Самая немногочисленная группа — кенотафы. К кенотафам он относит те конские погребения, при которых встречены вещи символически погребенного здесь умершего или напутственные дары: погребения 34, 124 Крымского могильника, погребение 9 Красной Горки, погребение 16 Нетайловского могильника. В погребении 34 Крымского могильника вместе со взнузданным конем находились накладки лука, колчаный крючок, сабля. 2. Захоронения, где представлено только конское снаряжение, являются погребениями верховых коней, погибших или умерших своей смертью и погребенных по желанию их владельцев, знатных людей и воинов, на общественных кладбищах. Они отделены от погребений хозяина. Аналогичные захоронения коня и его хозяина известны в Крымском (погребения людей № 141, 88, 119 и коней № 132, 96, 113), а также в Дюрсо. 3. Жертвенные животные в обряде выкупа земли для погребения у Эрлика. Это — погребения предварительно расчлененных туш коней (Нетайловка, погребение 221 «А»), а также безынвентарные конские захоронения. Характерна круглая форма ямы в Нетайловке, напоминающая захоронения коней и собак на поселениях, являющихся, видимо, строительной жертвой [Аксенов 1998, 4—8].

Конские погребения в грунтовых могильниках Нижнего Дона и кубанских степей, помимо Багаевского и Крымского могильников, обнаружены в двух погребениях у станицы Заплавская (Кривянская). По рассказам рабочих, при скелете человека на спине рядом находились скелет коня и салтовский кувшин [Гадло, отчет № 2496, с. 5]. В известном погребении в Кепях шкура коня ориентирована противоположно захоронению человека, на дне могильной ямы, слева. Дата VIII — начало IX вв. [Сорокина 1969, 124—130]. И. Эрдели в связи с этим погребением затрагивал вопрос о пребывании венгров на Кубани [Erdelyi 1977].

Судя по топографии расположения конских захоронений на Крымском могильнике, обряд положения коней не возрождается, а угасает. Хотя хронология могильника так и не была разработана ввиду скудного вещевого материала, все же можно вполне обоснованно предположить, что, как и в большинстве известных случаев, расширение могильника происходило с юга на север и с вершины склона холма к его подножию. Конские захоронения характерны для участков расположенных на вершине террасы, а в нижних ее частях и на всем северо-западном склоне конские захоронения не представлены [Савченко 1986, рис. 1].

таба. 1]. Можно это объяснить и тем, что «выкуп» участков под захоронения проводился только при возникновении родового кладбища, а последующие захоронения уже не требовали совершения обряда. В таком случае мы наблюдаем не совершение обряда, а только его приуроченность к освоению территории могильника. Но типологически конские захоронения Крымского могильника не соотносятся с выделенной В. С. Аксеновым группой жертвенных животных, и он относит их к погребениям боевых коней. Такие же погребения взнузданных боевых коней в отдельных ямах известны на Кубани: пять захоронений в могильниках у станицы Старокорсунской [Каминский 1987] и в Ново-Вочепшійском могильнике (два погребения). Ориентировка их не отличалась от человеческих погребений, но последние вблизи отсутствовали. В связи с этим конские захоронения были интерпретированы как погребальная тризна [Носкова 1990, 149].

Существование особого ямного (болгарского, по определению автора раскопок) обряда погребений на катакомбном Старокорсунском могильнике далеко не бесспорно, поскольку из-за особенностей грунта конструкция погребальных сооружений здесь не прослеживается. Так же не бесспорно отнесение Ново-Вочепшійского могильника к кругу болгарских памятников [Носкова 1990]. Тем не менее наличие сходного обряда погребений боевых коней в раннесалтовском Старокорсунском и более позднем Крымском несколько противоречит тезису об угасании и возрождении всаднических традиций среди носителей ямного обряда. Не только в курганных, но и в грунтовых могильниках хазарских степей захоронения коней прослеживаются без ощутимых хронологических лагун, начиная с конца VII в. и на протяжении всего VIII и IX вв.

В литературе постоянно звучит тема венгерских погребений в волго-донских степях. По предположению С. И. Татаринова и А. Г. Копыла (1981), с венгерским обрядом связаны некоторые погребения на Северском Донце. Это тип длинных узких грунтовых могильных ям с помещением жертвенной пищи одновременно и в головы, и в ноги. К таким погребениям можно отнести погребение 7 могильника Лиманское озеро и погребение 2 Дроновского II могильника, если, как уже отмечалось выше, конструкция могилы была прослежена не на уровне скелета, а в устья ямы, и длина могилы не зависела от наличия ниш в коротких стенках, свойственных «зливкинскому» обряду. При выделении этой группы необходимо также выявить признаки, отделяющие их от столь же вытянутых «дромосных погребений», известных на аланских катакомбных могильниках [Афанасьев 1987б; Каминский 1987].

А. В. Комар [Тахтай 1999, 167, комментарии] пытается связать с ушедшими в конце IX в. кабарями Чистякове, Красную Горку и Сухую Гомольшу, Маяки (Цапино), возможно, Нетайловку. Но это уже этнические хазары, а не венгры, и здесь речь идет об обратном влиянии кабар на мадьяр.

Венгерская тема дискутируется в основном в отношении памятников северной оконечности степи и лесостепной зоны [Аксенов, Тортика 2002], но черты, характерные для группы мадьярских могил, имеют и некоторые как грунтовые, так и курганные погребения Подонья—Приазовья (Дутино, Кепы, Красноармейское). Рассмотрим несколько погребений в ямах с западной ориентировкой, впущенные в насыпи более ранних курганов, которые наиболее обоснованно связывают с венграми.

Заплавка 1 расположена в Орельско-Самарском междуречье, между Днепром и Дроном, на широте Дроновских могильников. В трех курганах, № 3, 4, 5,— по

одному впускному погребению на глубине 30—70 см от современной поверхности. Очертания могильных ям не прослежены. Судя по глубине, это могли быть только простые ямы. Все захоронения — одиночные: взрослые мужчины в сопровождении остатков конских захоронений. Ориентация — запад-северо-запад. В курганах 3 и 4 у ног погребенных — кости ног коня. В погребениях найдены глиняный сосуд, бронзовый бубенчик-пуговица, фрагмент бронзовой пластинки и обломок ножа. Курган 5: выше ног погребенного — череп и кости ног коня. Это погребение самое богатое. Возле скелета — пряжка и накладки от пояса, нож, кремль, сабля. Среди костей коня — 8-образные стремяна, по которым комплекс датируется второй половиной IX века [Иванов 1999, 99—102; Ковалева 1983, АО-1981].

Твердохлебы. Полтавская область, Кобелякский район, р.Ворскла. Впускное погребение в насыпь кургана эпохи бронзы. На глубине 1,2 м от поверхности. Попало в руки археологов в потревоженном виде. Очертания ямы не прослежены. Погребенный лежал на спине, головой на запад, с вытянутыми конечностями. В ногах — череп и кости ног коня, серебряные с позолотой бляшки от узды. У пояса — серебряные бляшки поясного набора. В погребении найдены также детали узды, обломки сабли, наконечники стрел. Датируется второй половиной IX в. [Иванов 1999, 100—101; Супруненко.1994, 81—85].

Ново-Николаевка. Екатеринославская губерния (Днепропетровская область), на берегу Днепра. В курганной насыпи «при костях человека» найдены типичные украшения мадьярского пояса с выпуклым растительным орнаментом и бордюром по краям [Иванов 1999, 100; Ханенко 1902].

Луговское погребение, опубликованное Л.Л. Галкиным, находится на левом берегу Волги, в 75 км южнее Саратова. Впущено в курган эпохи бронзы. Вытянутое, головой на юго-запад. Найдены перстни, браслет, пояс, глиняное пряслице, нож и кости животного. Аналогии вещам (особенно характерна пряжка) — древневенгерские [Galkin 1983].

Венгерские черты усматриваются и в грунтовых ямных погребениях с западной ориентировкой. В Приднепровье это погребения у с.Манвеловка и три Субботицких погребения на Ингуле. Авторы раскопок датируют эти четыре комплекса IX—X и X вв. [Бокий, Плетнева 1988; Чурилова 1986], но В. А. Иванов предлагает удрежить комплексы до конца IX в.— времени миграции мадьяр [Иванов 1999, 102]. На Дону — это известное Воробьевское погребение, вероятно, тоже ямное, которое находится уже на южной оконечности лесостепи.

Инвентарь Субботицких погребений показывает наибольшую близость с каракуповскими древностями Прикамья — Приуралья. Накладки-лунницы, уздечные кольца-тройники и листовидные медальоны отмечены как «этнографические признаки угро-мадьярской культуры Приуралья» [Иванов 1999, 101]. Для этой культуры также было свойственно сочетание ямных грунтовых и подкурганых захоронений в простых прямоугольных или овальных ямах с преобладающей западной и северо-западной, реже юго-западной ориентировкой и периодическим помещением костей коня в могилу [Иванов 1999, 57—62]. Венгерские могильники периода обретения родины — только грунтовые. Сочетание в одном культурном комплексе курганов и грунтовых могильников в VII—IX вв. отмечено в кушнаренковской культуре, для памятников новинковского типа, у сибирских угров. В предшествующую эпоху этот феномен известен у сармат.

В волго-донских степях, как нам представляется, прослеживаются две ветви обрядности, связанные с обычаем ямных погребений. Одна — на южной оконечности степи: «хазарские» курганы, подобно сарматским, имевшие подбой и ямы, преимущественно с заплечиками. Другая традиция, чаще фиксируемая на Донском Правобережье, сходна с существовавшей у караякуповцев, сочетавших ямный подкурганный и ямный грунтовый обряды погребений с постепенным переходом только к грунтовым могильникам.

На севере степной зоны, как и в лесостепи, известны только ямные впускные погребения. Их можно рассматривать как вариант грунтовых. По материалам картографирования видно, что за пределы бассейна Северского Донца стационарные, состоящие из нескольких десятков погребений, грунтовые могильники VIII и IX вв. не выходят. Самый южный — Крымский могильник находится при слиянии древних русел Северского Донца и Дона.

В степной зоне, в ареале подкурганных захоронений, ямные основные и впускные захоронения редки. Основные погребения можно рассматривать как вариант подбойных погребений, хотя некоторые исследователи склонны объяснять их появление сложным этническим составом степного населения. Для впускных и одиночных грунтовых более вероятно то, что они оставлены во время летних перекочевок или иных передвижений вдали от стационарных поселений. Кроме того, в волго-донских степях открыт целый ряд погребений, которые трудно однозначно отнести к подкурганным или грунтовым. Трудность их дифференциации уже сама по себе о многом говорит. Ямные подкурганные погребения имеют все основные черты ямных грунтовых захоронений, включая даже такие специфические и редкие черты, как наличие заплечиков, ниш в короткой стенке, подстилок и угольных подсыпок, отдельные редкие типы погребений. Сопровождение погребенного захоронением коня или его шкуры в настоящее время нельзя считать принадлежностью исключительно подкурганных захоронений. Различные варианты положения конских останков свойственны, хотя в меньшей степени чем основным подкурганным, и грунтовым ямным захоронениям.

Нет сомнения, что и ямные курганные, и ямные грунтовые захоронения принадлежат каким-то родственным группам степного населения, типа «диалектных» в этнографии или этапам одной этнокультурной общности. Но где проходила граница между ними — в обряде, в хронологии, территориально, — еще предстоит выяснять.

Споры возбуждает и соотношение «хазарских» подбойных подкурганных захоронений и ямных. Часть ямных не только подкурганных (сивашевский тип), но и грунтовых (Кепы, Рогожино, Лбище, Осипово, Черный Яр, Комсомольское) также объявляются хазарскими. В то же время некоторые ямные подкурганные и грунтовые захоронения как на севере степи и в лесостепи, так и на юге (в том числе те же Кепы) приписывают венграм или кабарам.

Погребения, относимые к угорским группам населения, несомненно, крайне интересны для темы ямных праболгарских могильников. Не только из-за тесного переплетения исторических судеб двух этносов и близости ряда черт их материальной культуры, но и в связи с тем, что вырисовывается общая модель постепенного перехода к грунтовым могильникам от первоначального сосуществования ямных и грунтовых погребений и оставления впускных захоронений во время передвижений.

Литература

- Аксенов В. С. К вопросу об этнической принадлежности захоронений с конем Нетайловского могильника // *Вісн. ХДУ. Сер. Історія*. 1997. Вип. 29.
- Аксенов В. С. Захоронения коней в погребальных обычаях населения салтовской культуры // *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії*. Вип. 3. Харків, 1998.
- Аксенов В. С. Погребения с конем второй половины VIII—IX вв. верхнего течения р. Северский Донец (по материалам салтовских грунтовых могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 2000.
- Аксенов В. С., Тортика А. А. // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Донецк, 2002.
- а) Афанасьев Г. Е. Муравьевский клад: К проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь // *СА*. 1987. № 1.
- б) Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. // *Археологические открытия на новостройках*. Вып. 2. М., 1987.
- Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // *СА*. 2001. № 2.
- Афанасьев Г. Е., Атавиц А. Г. Что такое хазарский погребальный обряд? (Проблема материала, археологического анализа и интерпретации) // *Хазары. Второй Международный коллоквиум: Тезисы*. М., 2002.
- а) Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья: салтово-маяцкая культура Киев, 1990.
- б) Баранов И. А. Население Крымской Хазарии: По материалам грунтовых могильников VII—X вв. // *Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе*. Казань, 1990.
- Бокий Н. М., Плетнёва С. А. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // *СА*. 1988. № 2.
- Братченко С. Н., Швецов М. Л. Средневековый могильник у станицы Багаевской // *СА*. 1984. № 3.
- Виноградов В. Б., Березин Я. Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III—IV в. н. э. // *Античность и варварский мир*. Орджоникидзе, 1985.
- Городцов В. А. Материалы археологических исследований на берегах Донца Изюмского уезда Харьковской губернии. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 г. // *Труды XII археологического съезда*. Т. 1. М., 1905.
- Готье Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова // *ИГАИМК*. 1927.
- Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии: Историко-географический этюд. М., 1966.
- Давудов О. М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н. э.—IV в. н. э.). Махачкала, 1996.
- Житников В. Г. Раскопки в Ростовской области // *АО*. 1984. М., 1986.
- Житников В. Г. Раскопки курганов в зоне строительства Константиновской оростельной системы // *АО*. 1985. М., 1987.
- Завьялова В. А., Захаренкова К. С., Лагоцкой К. С., Бестужева Г. Н., Бианки А. А., Шафрутдинова Э. С. Раскопки курганов на Нижнем Маньче // *АО*. 1972. М., 1973.
- Иванов А. А. Подкурганые конструкции в погребальном обряде кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // *Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья*. Волгоград, 1999.
- Иванов А. А. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII — первой половины IX веков Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Волгоград, 2000.
- Иванов А. А. О хазаро-болгарских отношениях на территории Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы IX Международной научной конференции*. Ростов-на-Дону, 2001.

- Иванов А. А., Копылов В. П., Науменко С. А. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала // Донская археология. № 1. Ростов-на-Дону, 2000.
- Иванов В. А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.
- Нилькоков Л. С. Раскопки курганов близ хутора Красноармейского // АО. 1981. М., 1982.
- Нилькоков Л. С. Исследование курганов на западной окраине г. Ростова-на-Дону // Историко-археологические исследования в городе Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997.
- Нилькоков Л. С. Доломановский могильник // Отражение прошлого: Темерницкое городище. Ростов-на-Дону, 2000.
- Нилькоков Л. С., Кляшторный С. Г. Руническое граффито из раннесредневекового кочевнического погребения в долине р. Сал // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993.
- Казакова Л. М., Копылов В. П., Науменко С. А. Раскопки курганов у поселка Центральный // АО. 1975. М., 1976.
- Каминский В. Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. 1987. № 4.
- Ковалева И. Ф. Раскопки курганов в Орельско-Самарском междуречье // АО. 1981. М., 1983.
- Комар О. В., Піоро В. І. Кургани хозарського часу на Луганщині // Vita antiqua. № 2. Київ, 1999.
- Кондукторова Т. С. Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирюртовского могильника в Дагестане // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 25.
- Кониш В. Н. Сосуд с прорисовкой из погребения позднего кочевника // СА. 1971. № 4.
- Копылов В. П., Кузнецов В. В. Исследование курганов в Белокалитвенском районе Ростовской области // Историко-археологические исследования в городе Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов, 1997.
- Копылов В. П., Смоляк А. Р. Торговые связи Византии с населением Нижнего Дона в конце VII — первой половине VIII века // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез. докл. конф. Ростов-на-Дону, 1988.
- Котеньков С. А. Новые памятники древних болгар в Астраханском крае // Восток — Запад: диалог культур Евразии. Проблемы истории и археологии. Вып. 2. Казань, 2001.
- Котеньков С. А., Васильев Д. В. Исследования в дельте Волги // АО. 1993. М., 1994.
- Красильников К. И. Раннепеченежское погребение в с. Горшковке // СА. 1978. № 4.
- Красильников К. И. О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднедонецья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Красильников К. И. Могильники древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблемы на прабългарската история и култура. 2. София, 1991.
- Крутаев Е. В. Новые памятники средневековья в Нижнем Поволжье // Древности Волго-донских степей. Вып. 1. Волгоград, 1990.
- Крутаев Е. В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // РА. 1992. № 4.
- Кузьмин В. Н. Погребения салтово-маяцкой культуры из могильника Отрадный II // Историко-археологические исследования в городе Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990.
- Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоградский областной краеведческий музей. Волгоград, 2001.
- Львова З. А. К вопросу о возможных причинах постройки крепости Саркел // Отделу археологии 70 лет: Тез. докл. СПб., 2001.
- Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
- Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

- Монгайт А. Л. Археологические заметки // КСИИМК. 1951. Вып. XLI.
- Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. М., 1974.
- Носкова Л. М. Средневековые погребения Ново-Вочепшийского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Областский А. М., Терпиловский Р. В. Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
- Орлов Р. С., Смиленко А. Т. Погребения кочевников и клады эпохи раннего средневековья // Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1986.
- Парусимов И. Н. Работы в Зимовниковском районе Ростовской области // АО — 1995. М., 1996.
- Парусимов И. Н. Раскопки курганов в Зимовниковском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3.— Новочеркасск, 1998.
- Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска—Преслава. Т. 2. София, 1981.
- Принь А. В. К вопросу о многообразии погребального обряда праболгар Подонцовья // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Материалы конф., посв. 100-летию И. В. Силицына. Саратов, 2000.
- Савченко Е. И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М., 1986.
- Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. 1988. Вып. 29.
- Силицын И. В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Вып. XLV.
- Смоляк А. Р. Исследование могильника Матюхин Бугор // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997.
- Сорокина И. А. Курганный могильник Греки IV в степном Прикубанье // КСИА. 1986. Вып. 188.
- Сорокина Н. П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции государственного исторического музея. М., 1969.
- Супруненко А. Б. Курганы Нижнего Повороскья. Москва; Полтава, 1994.
- Татаршинов С. И., Копы А. Г. Дроновские раннеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. 1981. № 1.
- Таштай А. К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из окрестности г. Чистяково Сталинской области // Vita antiqua. № 2. Київ, 1999. (С коммент. А. В. Комара.)
- Тортика А. А. Новый взгляд на маршрут перекочевков в Великой Болгарии Кубрата // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. конф. Харьков, 1997.
- Филиппченко В. А. Погребение X в. в Астраханской области у с. Лапас // СА. 1952. № 2.
- Ханенко Б. Н. и В. И. Древности Поднепровья. Вып. V. Киев, 1902.
- Чурилова Л. Н. Погребение с серебряной маской у села Манвеловка на Днепропетровщине // СА. 1986. № 4.
- Швецов М. Л. Половецкие святилища // СА. 1979. № 1.
- Швецов М. Л. О нижнедонской группе салтово-маяцких памятников // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- Швецов М. Л. Могильник «Зливки» // Проблемы на прабългарската история и култура. 2. София, 1991.
- Galkin L. L. Nomadischen Grabfund von Jenseits der Volga // ААН. 1983. V. XXXV.
- Erdelyi I. Les anciens hongrois ont-ils été dans la région du Kouban? // Studia Archaeologica Budapest. 1977.

